

БНН10АНОНМЕМУАРЫЕ ПОД ГРИФОМ 1902V501M
03F5789N10V501M02NU<СЕКРЕТНО>W1EG0F5789HNRSG0F57

РОБЕРТ ЛОККАРТ

АГОНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ВОСПОМИНАНИЯ ОФИЦЕРА
БРИТАНСКОЙ РАЗВЕДКИ

Мемуары под грифом «секретно»

Роберт Брюс Локкарт

**Агония Российской Империи.
Воспоминания офицера
британской разведки**

«Алисторус»

2016

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44

Локкарт Р.

Агония Российской Империи. Воспоминания офицера британской разведки / Р. Локкарт — «Алисторус», 2016 — (Мемуары под грифом «секретно»)

ISBN 978-5-906880-09-3

Дипломат и сотрудник британской разведки Роберт Брюс Локкарт (Локхарт) прожил в России с января 1912 года по октябрь 1918 года. В своих мемуарах экс-глава спецмиссии при Советском правительстве подробно описывает детали враждебной «тайной дипломатии» Лондона в отношении России. Локкарт играл ключевую роль во многих операциях МИ-6, а «венцом» его карьеры стал знаменитый «заговор послов» – попытка британской, американской и французской разведок устранить большевиков от власти в 1918-м путем военного переворота. Но главная ценность его мемуаров – воспоминания о более тонких методах работы «шпиона в смокинге» (Локкарт – один из прообразов Джеймса Бонда). Это и рассказы о «дружбе» с лидерами российской либеральной оппозиции – будущими организаторами Февральской революции. И о том, как в список ценных источников МИ-6 попадали представители левых радикалов. Также автор поделился воспоминаниями о своих встречах с членами Временного правительства и лидерами большевиков.

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-906880-09-3

© Локкарт Р., 2016

© Алисторус, 2016

Содержание

Книга I. Малайский искус	7
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Роберт Брюс Локкарт
Агония Российской империи.
Воспоминания офицера
британской разведки

© В. Н. Карпов, перевод, 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Книга I. Малайский искус

Глава первая

В моей бурной и разнообразной жизни случай играл большую роль, чем ему обычно предоставляется. В этом я сам виноват. Никогда я не пытался быть полным господином своей судьбы. Наиболее сильный импульс момента управлял всеми моими действиями. Когда случай вознес меня на головокружительную высоту, я принял его дары с распростертыми объятиями. Когда он сверг меня вниз с моей вершины, я принял его удары без жалобы. У меня были часы раскаяния и сожаления. Я привык заглядывать внутрь себя и прислушиваться к голосу своей совести. Но этот самоанализ всегда был объективным. Он никогда не был болезненным. Он никогда не помогал и не мешал мне на моем бурном жизненном пути. Он не был мне ничем полезен в вечной борьбе, которую ведет человек сам с собой. Разочарования не излечили меня от неискоренимого романтизма. Если иногда я недоволен своими поступками, – угрызения совести терзают меня только за то, что я оставил незавершенным...

Я родился в Анструтере – графство Файф – 2 сентября 1887 года. Отец мой был учителем начальной школы, переселившимся в Англию в 1906 году. Мать моя была из семьи Макгрегор (шотландка). Среди моих предков были Брюсы, Гамильтоны, Комминги, Вельсы и Дугласы, и я могу проследить свой род до Босвела Аучинлекского. Таким образом, во мне нет ни единой капли английской крови. Мои воспоминания детства кроме меня, никого не могут интересовать. Мой отец был завзятым игроком в футбол, в регби и состоял членом шотландского футбольного жюри. Братья моей матери были хорошо известными шотландскими атлетами, таким образом, свою первую тренировку в футболе я получил, когда мне было четыре года, под руководством различных шотландских игроков, выступавших на международных состязаниях. И поэтому, как только я научился ходить, я уже умел забивать гол. Как ни странно, отец мой, сам не будучи игроком, был горячим поклонником крикета. Когда родился мой третий брат, я захлопал в ладоши и радостно воскликнул: «Теперь у нас есть форвард, однобег и голкипер». Затем я стащил сырой кусок мяса и положил его в люльку, чтобы его мускулы скорей развивались и кости окрепли. В это время мне было семь лет!

В других отношениях воспитание мое проходило нормально. Я получал свою порцию телесного наказания, главным образом за игру в футбол и крикет в субботу, которую мой отец строго соблюдал. В двенадцатилетнем возрасте я начал мое обучение в Феттсе, где провел пять лет, увлекаясь атлетикой. Это чрезмерное пристрастие к спорту имело печальные последствия для моих занятий. В первом семестре моего обучения в Феттсе я лучше всех выполнил письменную работу по латыни, заданную всей школе, но ошибся в шестом падеже. За остальное время моего пребывания в школе я уже больше ни разу не попадал в число 50 лучших учеников и, хотя я достиг успехов в освоении шестого падежа, был причиной тяжелого разочарования для моих родителей. Чтобы излечить меня от нездоровой страсти, отец отправил меня в Берлин, вместо того чтобы поместить в Кембридж, где несколько лет спустя мой младший брат был дважды награжден голубой лентой за спортивные успехи, но не получил награды за знание новых языков, которыми он, несомненно, овладел бы при других условиях.

Я многим обязан Германии и профессору Тилли. Тилли был австрийцем, сделавшимся более пруссаком, чем сами пруссаки, вплоть до того, что он исключил из своего имени букву «е», подписываясь так, как это делал великий немецкий авантюрист. Его метод был спартанским и безжалостным, но он научил меня работать – достоинство, которое несмотря на многие отклонения никогда не было совсем мною утрачено. Он научил меня еще двум ценным

вещам: уважению к неанглийским обычаям и установлениям и секрету овладения иностранными языками. Первое помогло мне во взаимоотношениях с иностранцами в течение моей последующей жизни. Последнее помогло мне занять правильную позицию (уважать нравы и обычае иностранцев – прим. ред.), когда семью годами позже я отправился в Россию. Если Тилли жив, я надеюсь, он прочтет эти строки и увидит, что я воздаю должное его методам воспитания. Его влияние было единственным в моей жизни, которое я могу назвать вполне благотворным. Из Берлина я был отправлен в Париж, где находился под влиянием доброго и благочестивого человека – Поля Пасси. От него я перенял прекрасное французское произношение и познакомился с мировоззрением уэльских возрожденцев. Пасси, который был сыном Фредерика Пасси, знаменитого французского юриста и пацифиста, был самым мягким из кальвинистов. В юности он пожелал стать миссионером, и, как человек, серьезно относящийся ко всякому принятому на себя делу, он с большой заботой подготавливал себя к этому трудному служению, поедая крыс. Болезнь легких помешала этому великому ученому похоронить себя в глуши Китая или отдаленных островов Южного моря. Эта потеря для язычников принесла пользу науке, и в настоящее время имя Пасси навсегда поставлено в одном ряду с именами Свита и Виэтора в почетном списке пионеров учения о фонетике. Несмотря на свое увлечение лингвистикой, он никогда не покидал своей достойной работы в исправлении грешников. Когда я впервые узнал его, он находился под влиянием Эвана Робертса, уэльского евангелиста, и единственный раз в моей разнообразной жизни мне пришлось выступить перед парижскими босяками с пением гимнов уэльских возрожденцев на французском языке. Пасси читал молитву и играл на гармонике в то время, как я пел соло под аккомпанемент хора из трех дрожащих английских студентов.

Если жизнь есть смена случаев, то в моей жизни они чередовались быстро. После трех лет пребывания во Франции и в Германии я возвратился в Англию с целью пройти окончательную подготовку к гражданской службе в Индии. Судьба и моя склонность к странствованию определили другой путь. В 1908 году мой дядя, один из пионеров резиновой промышленности в Малайских штатах, приехал с Востока домой и воспламенил мое воображение баснословными рассказами о богатстве, которое можно с легкостью приобрести в этой фантастической и волшебной стране. В моей крови уже закипело стремление к путешествиям, желание увидеть новые страны, испытать новые приключения. Я решил связать свою судьбу с каучуковыми плантаторами и отправился на восток.

Свои студенческие годы в Берлине и Париже я провел серьезно и безупречно. В Германии страстное поклонение Гейне – даже теперь я могу прочесть наизусть большую часть «Интермеццо» и «Возвращения на родину» – привело к невинному роману с дочерью одного немецкого морского офицера. Лунными ночами я скользил в лодке по Ванзее и вздыхал за кружкой пива на террасе кафе Шлахтензее. Я пел в присутствии ее матери самые новые и самые чувствительные венские и берлинские песенки. И я овладел немецким языком. Но у меня не было ни авантюр, ни проделок, ни эксцессов.

Во Франции я увлекался экзотическим сентиментализмом Лоти, которого я однажды встретил и чьи эксцентричные и аффектированные манеры не излечили меня от восторга, который я испытываю по сей день перед очарованием его прозы. Но я проливал в одиночестве слезы над чтением «Ле Дезеншантэ». Я наизусть выучил прелестные письма Дженаан. Тремя годами позже это сослужило мне хорошую службу во время моего экзамена на консульского чиновника. Но я не пытался подражать длинной серии «Мариаж де Лота». Теперь Восток выводил меня на широкую дорогу неограниченных искушений.

Глава вторая

Ни одно путешествие не произвело на меня такого очаровательного впечатления, как первая поездка в Сингапур. Она сохранилась в моей памяти как прекрасный сон наяву, в котором я помню каждый эпизод и который никогда не перестает служить мне утешением в моменты грусти.

Значительно более отчетливо, чем у многочисленных спутников по путешествию, с которыми мне приходилось впоследствии встречаться, я могу воссоздать перед моим умственным взором капитана, стюарда курительной, матросов, толстого романтического казначея и трех германских морских офицеров, которые являлись моими единственными серьезными соперниками за первое место в спортивных играх на палубе.

Но настоящим очарованием этой поездки был калейдоскоп чудесных красок и восхитительных ландшафтов, которые непрерывно развертывались перед моими глазами. Я наслаждался этим зрелищем. Я вставал еще в потемках, чтобы захватить первое дуновение бриза, который предвещал приближение рассвета, и ждал с приятным трепетом предвкушения того момента, когда огненный шар солнца выглянет сквозь серую пелену и появится там, где кончался небосклон и начиналось море, великолепное в своем спокойствии. Стоя один на носу судна, я наблюдал закаты цвета шафрана с их меняющейся панорамой кораблей и армий, королей и замков, рыцарей и прекрасных дам, – зрелище более увлекательное и живое, чем самый занимательный кинофильм.

Мне был всего 21 год, и моя жажда знаний была неутолима. Я проглатывал всякую книгу о путешествии, которую мог достать. Некоторые книги, которые я тогда прочитал, являются до настоящего времени моим величайшим сокровищем. «Курильщики опиума» Жюли Буасьера остается лучшей книгой этого жанра, которую я знаю. Другие, как, например, «Письма без адреса» Свиттенхема, кажутся теперь почти смешными, тогда же они были необычайно реальны. Лоти был моим героем, и подобно ему я закутывался в плащ меланхолического одиночества.

В портах я инстинктивно уклонялся от моих соотечественников и, не сопровождаемый никаким раболепным проводником, пользовался случаем побывать в туземных кварталах. Я почти не имел друзей, за исключением Виктора Коркрана, который, будучи много старше меня, по-видимому, находил удовольствие выспрашивать меня и выслушивать фантастические мечты и честолюбивые желания тщеславного юноши. Тем не менее по доброте своей он прятал свою насмешку под маской симпатии. Он много путешествовал и знал темные уголки истории и фольклора, сведения о которых нельзя найти в справочниках. На борту «Бюлова» он был римлянином в орде готов, и до настоящего времени я сохранил благодарность за ценные уроки, которые он, сам того не сознавая, преподавал мне.

Больше всего я научился ценить красоту теплых тонов и роскошную растительность. Орхидеи малайских джунглей значили больше и теперь значат для меня больше, чем самый прекрасный букет на груди самой прекрасной женщины. Зной тропического солнца стал мне необходим и физически, и духовно.

Даже до сих я не могу подумать без ощущения тоски, причиняющей почти физическую боль, об этих безоблачных восточных небосклонах, бесконечных пространствах золотого песка, обрамленного прохладными пальмами и величественными дюнами. Подобно герою Факонера, я пришел к убеждению, что всякая страна, в которой человек не может жить обнаженным в течение круглого года, обречена на труд, на войну, на установление стеснительных запретов, диктуемых кодексами морали. Теперь туманы английской зимы для меня такой же кошмар, как стены моей большевистской тюрьмы.

И, однако, в этой Малакке, которую я люблю, которая останется приятнейшим воспоминанием моей жизни и которую я вновь никогда не увижу, я потерпел поражение. По прибытии в Сингапур я был послан на каучуковую плантацию за портом Диксон. Земля не знает драгоценности более прекрасной, чем эта миленькая гавань, которая расположена у входа в Малаккский пролив. В то время он был еще не испорчен вторжением белого человека. Климат был почти совершенен. Его береговая линия была похожа на опал, меняющий свои цвет в зависимости от лучей солнца. Тишина его ночей, нарушавшаяся только тихим всплеском прибоя, приносила душевный мир, который я никогда больше не испытаю. Я испытывал радость каждую минуту в течение года моего пребывания там. Но я был равнодушным плантатором, я не мог выносить едкие запахи тамильских кули. Я достаточно изучил их язык, чтобы выполнять свои обязанности. Теперь за исключением нескольких слов команды и ругательств я совершенно забыл язык. Китайцы с их автоматической аккуратностью не обратились ко мне, и обычная работа в имении – учет контрольных марок, ведение счетовода – надоедала мне. Мой главный управляющий был зятем покойного лорда Фортевио, он легко и снисходительно относился к моим ошибкам. Очень быстро я пошел в жизнь британского плантатора. Я научился пить неизменную «стенгах»¹. Раз в месяц я отравлялся с моим начальником в соседний город Серембан и поглощал большое количество джина в Сенджеи Уджонт-клубе. По воскресеньям путешествовал по стране, играл в футбол и хоккей, завязывал многочисленные новые знакомства. Гостеприимство на Малайе в те золотые, беспечальные дни 1908 года для юноши было почти чрезвычайным, и немногие переносили его благополучно.

Во время моего пребывания в порту Диксон я имел небольшой триумф, отзвуки которого я отдаленно чувствую по сегодняшний день.

Несколько месяцев спустя после моего прибытия в страну я отправился в Куала-Лумпур, чтобы сыграть «роггер» в команде моего штата – Негри Сембилан – против Селангора. Куала-Лумпур является столицей Селангора и Федерации Малайских штатов. Селангор обладает большим количеством белого населения, чем какой-либо другой штат, и в то же время его команда по «роггеру» включала несколько международных игроков, среди которых был добродушный шотландец «Бобби» Нейль. В те дни Негри Сембилан мог выставить лишь 15 игроков по «роггеру». Конечно, мы никогда не рассчитывали победить Селангор, и я сомневаюсь, могли ли мы победить какой-нибудь другой штат.

Несмотря на климат, «роггер»² является наиболее популярным зрелищем на Малайском архипелаге и, несмотря на явное несоответствие в силе между двумя сторонами, в Куала-Лумпуре собралось большое количество европейцев и туземцев, чтобы посмотреть на состязание. Те, кто был свидетелем этой классической встречи, были вознаграждены одним из величайших сюрпризов в истории спорта. Матч разыгрывался в канун Рождества, и селангорцы не были подготовлены. Возможно, они слишком легко отнеслись к своим противникам. Во всяком случае, к перерыву селангорцы имели в своем активе одно очко и превращенный мощным «Бобби» в гол штрафной удар против одного очка, сделанного мною самим. Вскоре после начала второй половины игры сделалось очевидным, что Селангор устал и толпа – селангорская толпа – в восторге от предстоящей неожиданной победы громко приветствовали нас. Мне весьма посчастливилось сделать второе очко, и за пять минут до конца счет у сторон был одинаковый. Затем с ауа сильный новозеландец, который вел на нашей стороне хорошую игру, передал мяч назад мне, и мне удалось забить гол. Мы сыграли величайшую шутку, и селангорская команда и зрители оказались в достаточной степени спортсменами, чтобы оценить ее. Я был увезен с поля победы в когда-то знаменитый клуб «Пятнистая собака» на окраине Паланга. Там я был окружен толпой людей, имен которых я не знал, но которые оказались моими зем-

¹ Виски с содой.

² Разновидность футбола.

ляками – шотландцами, знавшими моего брата и отца, которые похлопывали меня по плечу и настойчиво меня угощали. Задолго до обеденного часа я, вероятно, выпил по рюмочке, может быть несколько почти с каждым из присутствующих. Когда я прибыл в гостиницу, где давался официальный обед двум командам, обе команды и гости сидели на своих местах. Я был встречен в дверях «Бобби» Нейлем, который сообщил мне, что председательство проставлено заместителем генерал-губернатора и что мне единогласно предоставили почетное место по его правую руку на верхнем конце стола. Это был мой первый опыт публичного чествования, и мне не понравилось это испытание. Однако моим главным подвигом явился мой разговор с председателем банкета, которому я откровенно рассказал о своих приключениях на Востоке. Они, должно быть, были слишком живо описаны, так как он укоризненно сообщил мне, что он женатый человек.

– На тамилке или малайке, сэр? – спросил я вежливо.

– Тсс, – сказал он. – У меня трое детей.

– Черных или белых, сэр? – продолжал я с неизменной учтивостью.

К счастью, он обладал чувством юмора и легко отнесся к ошибкам двадцатилетнего юноши.

Этот случайный триумф имел неприличное последствие. Как самого юного и, следовательно, самого незаметного и бесхитростного члена команды меня поместили в дом пастора, хорошего атлета, но несколько чопорного для «падре» в тропиках. Куала-Лумпур, подобно Риму, построен на семи холмах, и я несколько затруднился отыскать дом почтенного человека в ранний утренний час. Однако благодаря верному «Бобби» и другим добрым друзьям я был благополучно доставлен в мою комнату, и с большим усилием мне удалось появиться к завтраку на следующее утро в воскресенье. Холодная вода сотворила чудеса, и я выглядел не слишком плохо, но голос у меня пропал. Так как я отвечал карканьем на бесчисленные вопросы относительно моего здоровья, миссис «падре» посмотрела на меня с жалостью.

– Ах, мистер Локкарт, – сказала он мне. – Говорила я вам, что, если вы не наденете ваш свитер после игры, вы простудитесь.

С этими словами она выбежала из комнаты и принесла мне стакан с микстурой от кашля, и, вследствие своей застенчивости, которую я до сих пор не совсем могу побороть, я не мог отказать. Результат сказался мгновенно, и, не говоря ни слова, я бросился вон из комнаты. Никогда – ни раньше, ни впоследствии – я не страдал так, как я страдал в это воскресное утро. Я часто удивляюсь, как много поняла миссис «падре». Если она хотела дать мне урок, награда учителя никогда не могла бы быть более приятной.

Тип малайского джентльмена, с его глубоким отвращением к труду, пленял меня. Мне нравилось его отношение к жизни, его философия. Человек, который умел ловить рыбу и охотиться, который знал тайны ручьев и лесов, который умел говорить метафорами и любить туземок, был мне по сердцу. Я с жадностью изучал его язык. Я изучал его обычаи и историю. Я находил романтику в малайских женщинах, скрытых под покрывалом. Я отдавал моим малайцам ту энергию и энтузиазм, которые следовало бы отдать тамильским и китайским кули моей каучуковой плантации. Презируя некультурную жизнь плантатора, я искал себе друзей среди более молодых правительственных чиновников. Я показывал им мои поэмы. Они приглашали меня полюбоваться своими акварелями. Среди них был молодой человек, достигший теперь высших ступеней в колониальной иерархии, с которым я играл на рояле в четыре руки.

Я заводил друзей также среди католических миссионеров – прекрасных людей, добровольно отрешившихся от Европы и даже от европейцев на Востоке и посвятивших всю свою жизнь заботам о своей туземной пастве.

На столбцах местной газеты появился мой первый опыт журналистики, в котором я пытался заклеить японскую торговлю живым товаром. Этот опыт был встречен неодобрительно, но после того как я написал передовицу о недостатках эсперанто, редактор признал

меня и предложил мне постоянное сотрудничество. Больше всего я читал, и читал серьезно. Средняя библиотека плантатора могла содержать различный подбор прозаических и поэтических произведений Киплинга, но их главным содержанием в те дни были произведения Герберта Уэльса и Джеймса Блитса. Я не знаю, какие авторы заняли сегодня их места, но для меня первый не был поучительным автором. Я положил себе за правило никогда не покупать романов, и ежедневному получению из Сингапура серьезной литературы я обязан своим здоровьем и тем, что избежал увлечения восточной троицей – опиумом, пьянством и женщинами. Все три разбрасывали над мной сеть своих искушений, но чтение спасло меня от худших последствий объединенного нападения.

Глава третья

Мое юношеское увлечение одиночеством вызывало во мне, в конце концов, серьезную тревогу. Я настойчиво приставал к своему дяде с просьбой достать мне самостоятельную работу. Наконец я был послан открыть новую плантацию у подножия холмов. Место, которое в течение года должно было стать моим жильем, находилось в десяти милях от всякого европейского жилья. Ни один белый человек не жил до этого времени здесь. Селение, к которому примыкало мое поместье, было местопребыванием свергнутого султана, и, следовательно, не особенно дружески относившегося к англичанам. Мой дом также представлял из себя развалившуюся хижину без веранды и, хотя он был лучше, чем обыкновенный малайский дом, ни в каком смысле не походил на европейское жилище. Опасная для жизни малярия, свирепствовавшая здесь больше, чем в других штатах, не увеличивала прелестей этого места. Моей единственной связью с цивилизацией был велосипед и начальник малайской полиции, который жил в двух милях от меня. Тем не менее я был счастлив, как погонщик с новым слонком. В течение дня мое время было совершенно занято. Мне надлежало сделать что-нибудь из ничего: поместье из джунглей, построить дом для самого себя, проложить дороги и сточные канавы там, где их не было. Были также меньшие проблемы администрирования, которые являлись для меня постоянным источником развлечения и забавы: малайские подрядчики, которые находили оправдание для всякой оплошности, тамильские жены, которые практиковали полиандрию на строго практической основе – два дня для каждого из трех мужей и свободный день по воскресеньям; оскорбленный «Вульямэй», который жаловался, что «Рамазанси» украл его день; китайские лавочники, которые заключали сделки на жестких условиях с моим кладовщиками и бомбейские ростовщики, которые выстраивались в кружок в день выдачи платы и держали моих кули в своих цепких лапах.

Перед таким смешанным сборищем я являлся единственным представителем британской власти. Я творил суд без страха или пристрастия, и, если были жалобы на мою власть, они никогда не доходили до моих ушей. В течение этих первых четырех месяцев я был совершенно свободен от забот. Я усиленно работал над малайским языком. Я написал рассказы, которые заслужили похвалы Клемента Шортера и были опубликованы в журнале «Сфера». Я начал писать роман из малайской жизни – увы, незаконченный, и который, вероятно, никогда не будет закончен, – и продолжал мое чтение с похвальным прилежанием. Для развлечения имелись футбол, стрельба и рыбная ловля. Я расчистил клочок земли, приспособил футбольную площадку и посвятил малайцев в таинства футбола. Перед закатом солнца я на лету стрелял пунай – маленьких малайских голубей. Как это ни странно, я подружился с низложенным султаном и в особенности – с его женой, истинной правительницей королевской резиденции, старшей высушенной леди с крашеными губами и с взглядом, способным вселить ужас в самое мужественное сердце. Ходили слухи, что она совершила все преступления, предусмотренные уложением о наказаниях, и много таких, которые не включены в этот перечень людских про-

ступков. Однако она была королевой Викторией своего округа, и, хотя мы впоследствии сделались врагами, я не питаю к ней злобы.

В своем доме я пользовался совершенно незаслуженной репутацией меткого стрелка. Мое примитивное жилище было полно крыс, которые во время обеда бегали повсюду. Мой фокстерьер обращал их в бегство, в то время как я избивал их палкой. Таким способом было уничтожено их множество. Еще забавнее было расстреливать их из револьвера, и, конечно, это занятие увеличило мое умение стрелять. Затем настал великий день, который в глазах туземцев наделил меня силой чародея.

Все поместье, включая мое жилище, обслуживалось большим колодцем, круглым и глубоким, с большими щелями в надземной части между водою и поверхностью. Однажды утром, когда я завтракал в одиночестве, у дверей моей конторы послышались тараторившие голоса. Многоязычная болтовня сопровождалась хором плачущих женских голосов. Вне себя я бросился вон из помещения, чтобы выяснить причину такой утренней интермедии. Тамильский кули со стоном валялся на земле. Двести его соотечественников окружали его с криками, объяснениями, мольбами. Целая толпа малайцев и все мои служащие-китайцы собрались вокруг, чтобы дать совет и посмотреть конец трагедии. Несчастный был укушен змеей. Урывками и сбиваясь, дико возбужденная толпа рассказала о происшедшем. Там была кобра, громадная кобра. Она находилась в колодце. Она устроила свое гнездо в щели. Это была самка. Там яйца и будут змееныши. К колодцу доступа не было. Арматам был укушен. Хозяин должен, сейчас же должен, вырыть новый колодец. Я сделал два надреза на ноге укушенного, перевязал рану, дал бутылку джина и отправил его на телеге в госпиталь за двенадцать миль (он поправился).

Затем в сопровождении двух тамильских «кенгани» и надсмотрщика-малайца я отправился исследовать колодец. Мое ружье находилось еще в порту Диксон. Единственным моим оружием был револьвер, которым я стрелял в крыс. В колодце все было тихо. Тамилец указал на дыру на глубине восьми футов, где кобра устроила себе гнездо, и длинным бамбуком надсмотрщик ударил по отверстию. Послышалось предостерегающее шипенье. Черная шапочка показалась в дыре, поднялась сердитая головка и заставила моих спутников удрать со всех ног. Я тщательно прицелился, выстрелил и тоже отступил. В колодце послышался всплеск и затем все стихло. Я прострелил кобре голову. В своей смертельной борьбе она выпала из отверстия в воду. Жертва моего колдовства была выставлена на показ и устрашение. Моя репутация была установлена твердо, все пути были мне открыты.

Это было счастливым обстоятельством, потому что ближайший путь к Серембану и цивилизации лежит через поселок китайских шахтеров, пользовавшихся репутацией грабителей. Мой банковский клерк был задержан головорезами, которые, разочаровавшись в содержимом его сумки, отрезали ему палец в качестве наиболее удобного способа снять кольцо.

Эта опасность мне больше не грозила. Даже в поселке шахтеров было хорошо известно: во-первых, я могу одним выстрелом убить крысу или кобру; во-вторых, что я никогда не путешествую без револьвера; и, в-третьих, что я никогда не держу при себе денег. Таким образом, я путешествовал спокойно. Признаюсь, однако, что ничто в жизни меня так не увлекало, как поездка на велосипеде через джунгли глухой ночью. Эти поездки, повторявшиеся каждый раз, когда я отправлялся в главный город и оставался там обедать, наполняли меня чувством страха и в то же время были таинственно привлекательны. Так как я должен был приехать в свое поместье раньше шести часов утра, я пускался в обратный путь около полуночи. На протяжении шести миль не было ни единого жилья, я ехал среди леса гигантских деревьев, которые в лунном свете отбрасывали фантастические узоры и тени на тропинку. В отдалении, подобно горам царя Соломона, выделялись холмы Джелебу, таинственные, близкие и в то же время враждебные. Перед лицом этого неизвестного мира, который обострял мои чувства, я мог, как в сказке, приложить ухо к земле и слышать людской топот за несколько миль. Я испытывал чувство страха, но в моем страхе была привлекательность. Я всегда был рад, когда добирался до

дому. Но я никогда не боялся настолько, чтобы не принять приглашение на обед в Серембане или не вернуться домой через джунгли. Это было хорошей подготовкой для большевистской России. Привычка скоро побеждает страх. Мне случалось слышать рев тигра, призывающего свою самку, однажды чуть не наткнулся на черную пантеру. Но это были редкие случаи, и в конце концов, хотя я никогда окончательно не победил чувства жути, страха я не испытывал.

Теперь я стал искать новых приключений. Я уже сказал, что поддерживал хорошие отношения с низложенным султаном и его женой. Моя дипломатия принесла плоды, и незадолго перед праздником Рамазана я получил приглашение на «ронггенг» – род соревнования профессиональных танцовщиц, во время которого они танцуют и поют милейшие любовные песенки. Во время пения они вызывают собравшуюся местную молодежь соревноваться в танцах и экстремных трюках. Для европейца это не представляет особенно привлекательного зрелища. Танцуют не парами, а скользят бок о бок, причем мужчина старается подражать движениям танцовщицы. Однако для малайца этот танец является романтическим, связанным с непреодолимым половым влечением. Случается, что юноша в пылу страсти пытается броситься на одну из девушек. Тогда вмешивается стража, и нарушитель порядка силой удаляется с арены на весь остаток вечера. Его лишают милости, но ему завидуют.

Для поддержания европейского достоинства я сел между султаном и его энергичной супругой. Старый султан с достоинством хранил молчание. Его действия ограничивались предложением мне сладкого лимонада и виски. Супруга была более разговорчивой. Она рассказывала мне о распущенности молодого поколения, в особенности молодых женщин. Меня забавлял разговор с ней. По местным отзывам, она в молодости была самой испущенной женщиной своего поколения. Ее любовники были многочисленны, как семена мангового дерева, но никто не осмеливался критиковать ее поведение или предъявлять обычное малайское право ревнивого мужа или любовника. Даже теперь, с ее крашеными губами на сморщенном лице, она нравилась мужчинам. Она напоминала мне Гагулу из «Копей царя Соломона» и внушала мне такой же страх и уважение.

Однако в общем это был скучный вечер. Я не осмеливался даже повернуть голову, чтобы посмотреть на леди, которые стояли позади меня, закрытые покрывалами так, что были видны только их темные, загадочные глаза. Я рано ушел, решив отплатить за оказанное мне гостеприимство более пышным зрелищем. На следующее утро я пригласил из соседнего штата двух танцовщиц «ронггенг», чья красота была известна даже в этой глухой деревне. Я освободил и расчистил площадку перед самым домом, устроил скамейки и миниатюрную сцену и разослал приглашения на следующую неделю. Жители селений и деревни, во главе с двором, пришли в большом количестве. При свете луны широкие покрывала малайцев приобретали новое и странное величие. Пальмы, тихие, как сама ночь, отбрасывали призрачные тени. Мириады звезд сияли на темно-голубом своде небес. Это была декорация балета, которой мог бы гордиться сам Бакст, и мои гости, отделившись от первого ощущения, отдались очарованию чувственного зрелища. Чтобы произвести еще большее впечатление, я пригласил главного начальника полиции, веселого ирландца, которого не без трепета посадил между султаном и его женой. Таким образом, я оказался свободным и мог руководить вечером. И тогда я увидел ее. Она стояла среди женщин – лучезарное видение смуглой красоты. Покрывало в голубых и красных квадратах было накинута на ее голову, оставляя открытым только тончайший овал лица и бездонные, как сама ночь, глаза.

Глава четвертая

В жизни бывают моменты, которые оставляют в памяти неизгладимый след. Это и был такой момент, называемый французами «coup de foudre». Я пережил самое страшное из всех

землетрясений – японское, но ни разу я не был так потрясен, как в тот вечер, когда я увидел Амаи, и любовь впервые овладела моим сердцем.

На моих глазах расстреливали царских министров, причем я видел, что мне уготована та же участь, если я не скажу всей правды. Суматрский ураган срывал крышу моего дома. Но ни один из этих катаклизмов не мог сравниться с тем, что я испытал, увидев Амаи и полюбив в первый раз. Мне было двадцать три года. Я провел четыре года во Франции и Германии. Я уже знал женщин, но у меня не было серьезных привязанностей. Я прожил шесть месяцев в полнейшей оторванности от моих соотечественников. Я свыше года не обменивался словом с белой женщиной. Погруженный в нездоровый романтизм, я созрел для искушения. Моя жизнь была достаточно ненормальна, чтобы я принял это искушение с трагической серьезностью. Оно и было серьезно по последствиям для нас обоих, изменив течение наших жизней.

Остаток вечера я провел в лихорадке. Горячее желание покинуть моих гостей овладело мною. Я оставил султана и его жену на попечение начальника полиции и, перейдя на другую сторону арены, шагал назад и вперед, размышляя о хрупкой красоте малайской девушки, которая так внезапно нарушила монотонность моей жизни. Над ее головой горел факел, который, казалось, светил только для нас, придавая ей сходство с жемчугом на темном фоне. И, конечно, она была прекрасна для малайки, ее кожа была светлее кожи крестьянских женщин, работавших в поле. Вскоре я узнал причину этого.

Сгорая от нетерпения выяснить все, я вызвал Си-Воха, моего малайского старосту, привезенного из Сингапура, отношения которого с населением были не слишком хороши.

– Кто девушка, которая стоит позади султана? – прошептал я порывисто.

Его лицо не изменилось. Он медленно обвел арену глазами, как бы следя за движениями танцующих. Он удивился, и вопрос не вызвал с его стороны подозрения. Затем тоном, каким он бы говорил о какой-нибудь работе в поместье, он медленно ответил:

– Ворона не равна райской птице. Это Амаи – подопечная султана. Она замужем, но почти разведена со своим мужем. Когда развод будет оформлен, она выйдет замуж за двоюродного брата султана.

Я с нетерпением ожидал ухода последнего гостя. Затем с пылом, усилившимся от полученной информации, я отправился к моему другу, начальнику полиции. Он предостерег меня в еще более ясной форме, чем Си-Воха. В немногих фразах он объяснил, что я должен выбросить Амаи из головы теперь и навсегда. Иначе произойдет неприятность, серьезная неприятность. Туземные женщины все на один лад. Есть другие, более доступные и менее опасные. Совет был хорош. Я должен был бы принять его. Вместо этого я стал обдумывать, как бы войти в контакт с моей богиней.

Я доверился Си-Воху. Благодаря его содействию я заручился услугами одной старухи, которая имела отношение к резиденции султана. Мои успехи были незначительны, но я не успокаивался. Каждый день в пять часов Амаи имела обыкновение прогуливаться от своего дома до дворца, и каждый день в пять часов я останавливался на краю дороги и сторожил ее. Мы не обменивались ни единым знаком. Я оставался неподвижным. Заговорить – значило разрушить все. Она никогда не поднимала покрывала, никогда не замедляла шага. И этими ежедневными двухминутными наблюдениями я прожил шесть недель. Однажды вечером, вскоре после того как развод ее был оформлен, я отправился к своему обычному сторожевому посту. Был закат, и солнце сияло подобно раскаленному шару на высшей точке горы. Прохладный ветерок доносил из джунглей благоухание. Я прождал несколько минут, наслаждаясь красотой малайского заката. Дорога была пустынна. Я вглядывался в маленькую тропинку, ведущую от ее дома к дороге. Наконец она появилась, закрытая покрывалом и обутая в маленькие зеленые туфельки. Пройдет ли она по-прежнему мимо меня без единого жеста, без единого взгляда? Казалось, она идет медленнее, чем всегда. Очутившись напротив меня, она приостановилась, откинула свое покрывало таким образом, что можно было увидеть цветок лотоса в волосах, и

посмотрела мне прямо в глаза. Затем, как спугнутая лань, она повернулась и, ускорив шаги, скрылась в надвигающихся сумерках. Я вернулся домой, охваченный страстью. Я позвал Си-Воха и старуху. Необходимо устроить свидание, настоящее свидание.

Спустя два дня вернулась старуха. Она выглядела еще более зловеще, чем всегда. С бесчисленными просьбами о ее безопасности она сообщила мне, что все устроено. Свидание назначено на сегодняшнюю ночь. Я должен ожидать на опушке джунглей против девятого верстового столба в девять часов, и Амаи придет ко мне. Я должен быть пунктуальным, очень осторожным. Нужно держаться вдали от дороги.

Я осмотрительно сделал все необходимые приготовления: смазал револьвер и сунул в карман электрический фонарь. Потом, сгорая от возбуждения, пустился в это дикое приключение. Около мили нужно было пройти по узкой тропинке, проложенной в джунглях, которая вела к заброшенной шахте. Пришлось пересечь ручей по дрожащему бамбуковому мостику, что даже днем являлось для белого человека рискованным предприятием. На такое путешествие я не согласился бы и за плату. Ни одна женщина не соблазнит меня вновь проделать это. Страх придавал быстроту моим ногам, и, когда я вышел на тропинку, по которой должна была прийти Амаи, то оказалось, что я поспел за четверть часа до назначенного времени. Ожидание оказалось хуже, чем дорога. В тишине малайской ночи острота моего слуха усилилась во сто крат. Пронзительный крик ночной совы наполнял меня предчувствием. Гигантская ночная бабочка, привлеченная моими серебряными пуговицами, прицепилась к складкам моей одежды, вселив ужас в мое сердце. На небе не было ни луны, ни звезд.

Присев по-туземному на корточки, я ждал с револьвером в руке, в то время как минуты тянулись со смертельной медлительностью. Не сыграла ли со мной старуха злую шутку? Если так, она дорого поплатится за это завтра. Покинуло ли Амаи мужество в последнюю минуту? Для нее испытание в тысячу раз опаснее, чем для меня. Потом, когда отчаяние почти побуждало меня уйти, я услышал всплеск. Какое-то живое существо пробирается по болотистому полю. Затем тишина, сопровождаемая звуком шагов, и прежде чем я смог удостовериться, человек ли это или зверь, в темноте не дальше двух шагов от меня внезапно вынырнул силуэт. Я вскочил на ноги. Силуэт остановился. Это была Амаи. В один миг я привлек ее в свои объятия; она трепетала, подобно траве под прикосновением лучей утреннего солнца. Потом, взяв ее за руку, я быстро повел ее через ночь по тропинке в джунглях, через тот самый мостик, обратно под гостеприимный кров моего домика. Она уже не покидала его до того момента, пока меня самого не отправили на судно в порт Светтенгам.

В остальном эта история – сплошная трагедия или сплошная комедия, смотря по тому, романтичен или циничен читатель. После этой первой ночи Амаи осталась в моем доме. Ее пребывание было не только внешним доказательством ее любви, оно вызывалось также страхом перед сородичами. Короче, история с Амаи вызвала величайший скандал. Мой дом переживал своего рода осаду. Моя малайская Гагула пришла интервьюировать меня у моего порога. Она пришла льстить и ушла с угрозами. Она перечислила заслуги своего племянника, принца крови и очаровательного молодого человека, с которым я часто играл в футбол. Его смущение было велико. Ему нравятся европейцы, и я ему нравлюсь. Мы всесторонне обсуждали вопрос. Он предлагал мне самую прекрасную из гурий своего княжества. Но Амаи я должен возвращать. В ней течет королевская кровь. Это оскорбление для его тетки и, что еще хуже – это опасно для меня. Местные малайцы не так цивилизованны, как он. Могут произойти волнения, очень серьезные волнения. Он покачал головой и улыбнулся, совсем как мой начальник полиции; он с большим успехом мог разговаривать с ветром, чем пытаться сломить мое шотландское упорство. Я не желал ссориться с ним, а тем меньше задевать его гордость. История произвела некоторый шум в европейских кругах. Она дошла до ушей резидента, и я счел необходимым посоветоваться с юристом.

Я явился к господину К. – видному правительственному чиновнику, женатому на малайке, и члену семьи, прославившейся службой на Востоке. Его неофициальный совет – официальный походил на брачные советы из «Пунша» – был продиктован дорого обошедшимся ему запасом восточной мудрости.

– Это вопрос сохранения лица, – сказал он. – Нужно выиграть время. Скажите, что вы собираетесь перейти в магометанство.

Во время беседы с племянником Гагулы я сам подумал об этом совете. Когда выяснилось, что другого выхода нет, я сказал ему: «Я готов стать магометанином. Я написал архиепископу Кентерберийскому, чтобы испросить необходимое разрешение».

Когда мужчина увлечен женщиной, то нет пределов той низости, на которую он готов. Другим мое поведение казалось низким и подлым, но не мне. Чтобы удержать Амаи, я был готов принять магометанство. Это не такой эпизод в моей жизни, которым я горжусь или который я оправдываю моей молодостью или неопытностью, но в то время это было – в истинном смысле слова – убийственно серьезно. Это было не только увлечение. В моей душе было что-то похожее на страсть к борьбе. Это же чувство я испытывал во время футбола, предпочитая борьбу с более сильным противником легкой победе. Я противопоставил себя всему миру, и я решил рискнуть до конца.

Принц признал себя удовлетворенным. Но не Гагула и деревня – Амаи и я оказались отверженными. Моя футбольная команда ушла от меня. Акбар, мой лучший хавбек, который номинально занимал пост военного министра Гагулы, удалился в джунгли. Меня предупредили, что он собирается впасть в «амок». Мой китайский повар покинул меня. Он боялся того, что может что-то приключиться с моей пищей.

А затем я заболел. День ото дня исключительно острая форма малярии опустошала мое тело и кровь. Днем и вечером моя температура поднималась с регулярностью будильника. Явился мой врач. Как и все остальные, добряк был захвачен каучуковым бумом.

Пределом его визитов была миля, а так как мое поместье было его самым дальним визитом, я не мог часто прибегать к его помощи. Он пичкал меня хинином, но без особой пользы для меня. Проходили месяцы, моя болезнь осложнилась постоянной рвотой. Я не мог принимать твердой пищи. В три месяца я потерял четверть своего веса. Я чувствовал себя подавленным и несчастным. Целый день я лежал в своем шезлонге, пытаюсь читать, проклиная служащих и «кенгани», которые приходили беспокоить меня вопросами по поводу работ на плантации. Я чувствовал себя лишним и всем в тягость. Но от Аман я не мог отказаться. Только это упорство и спасло меня от самоубийства.

В отношении Амаи я ничего не могу сказать, кроме похвалы. Она была неизлечимой оптимисткой. Она никого не боялась и железной рукой управляла моим домом. Правда, ее веселость иногда становилась невыносимой. Она любила шум, что для малайки означает любить граммофон. Для нее было небезопасно показываться на улице. Поэтому она целый день сидела дома и слушала «Я возвращусь, когда деревья зацветут». Теперь я разбил бы пластинки или бросил бы их ей в голову, но в то время я был слишком слаб. Вместо этого я сделался мучеником. Моей единственной защитой от граммофона был рояль. Когда я не мог больше выдержать «цветущих деревьев», я предлагал ей сыграть на дряннейшем инструменте, который я взял у своего родственника. Тогда Амаи пододвигала ко мне табуретку, набрасывала шаль на мои плечи и садилась около меня, а я со стучащими зубами и онемевшими пальцами пытался исполнить мотивы, слышанные мной в Вене и Берлине. Ее музыкальные вкусы были совершенно примитивны. Без сомнения, ей понравились бы негритянские песенки и еще больше – томные цыганские мотивы. Но в те дни «Дунайские волны» казались ей верхом совершенства и, если бы кто-нибудь из знаменитых исполнителей венских вальсов появился в моем бунгало, она тут же забыла бы меня.

Может быть, я несправедлив к ней. Она полностью обладала гордостью расы. Она презирала женщин, которые работали в поле. Двусмысленность ее собственного положения ее совершенно не беспокоила. Мысль о замужестве и переходе моем в магометанство никогда не приходила ей в голову. Она очень гордилась тем, что она любовница единственного белого в округе. Она была обладательницей единственных в поселке граммофона и пианино. Кроме того, она спасла мою жизнь. Подозревая, что меня отравляют, она давала мне есть только то, что сама приготавливала. А когда я все-таки не поправился, она послала Си-Воха за правительственным врачом.

Врач Доуден был чудачком, циничным, угрюмым ирландцем, с которым я познакомился в порту Диксон. Он был несчастлив на Востоке и давал исход своему мрачному настроению грубыми выходками, за что его не любили. Однако у него было золотое сердце, и, будучи сыном дублинского профессора классической литературы, он был мне духовно ближе всех других белых на Малакке. Лечить меня не входило в его обязанности, но соблюдать формальности было в его характере. Он тотчас же пришел, посмотрел на меня и выразительно хрюкнул. И в этот вечер он отправился в бар Сенджей Уджонг-клуба. Тогда каучуковый бум достиг своего апогея. Несколько плантаторов, в том числе и мой дядя, сильно нажились на ценных бумагах, и в клубе вино лилось рекой, как оно льется в моменты внезапной удачи. Мой дядя играл в покер с лимитом в сто долларов. У Доудена в натуре было что-то от большевика. Мой дядя только что перебил ставку. Доуден быстро охладил его пыл игрока.

– Если вы не хотите на свой выигрыш купить гроб для белого, то заберите немедленно своего племянника.

Дядя был потрясен. Он немедленно принял меры. На следующее утро он приехал с двумя китайскими боями на своей машине. Молчаливые бои упаковали мои вещи. Дядя завернул меня в одеяла, вынес и положил в автомобиль. Амаи скрылась в задней комнате. Она, вероятно, догадывалась о том, что происходит, но не вышла. Мы не простились. Но когда машина завернула за угол, солнце заиграло на ее серебристых тувельках, которые стояли на верхней ступеньке лестницы. Больше я ее не видел и никогда не увижу.

Глава пятая

Теперь, хотя я путешествовал по морю и по суше, дальше, чем даже большинство шотландцев, я никогда не вспомню названия судна. Я только смутно помню день отъезда и маршрут моих путешествий. Может быть, это было следствием моей болезни; может быть, первые впечатления ранней юности запоминаются легче; может быть, – и так оно и было – первое возвращение на родину всегда дольше всего остается в памяти человека. Факт тот, что каждая минута этого длинного путешествия от бунгало моего дяди в Серембане до Шотландии запечатлена в моем мозгу так ясно, как если бы это было вчера. Дядя был очень щедр и послал меня на два месяца в Японию. Его врач сказал, что, когда я буду удален от источника заразы, я поправлюсь в какие-нибудь шесть недель. Но Доуден качал головой. Он посоветовал мне лечиться основательно. Мне дали денег и билет до Иокогамы. Морес Фостер, ворчестерширский крикетист, проводил меня до Сингапура. Нед Кок заботился обо мне на борту парохода. Он ушел из стрелковой бригады и занялся каучуком на плантации Малаи; его огромный рост и бурный темперамент подавляли меня. Я позволял командовать собой. Капитан судна, бородастый немец, был самым добрым. Возможно, что другие пассажиры выражали неудовольствие по поводу проявлений моей морской болезни. Во всяком случае, он дал мне отдельную каюту на верхней палубе.

Но само путешествие было кошмаром. Морская болезнь не проходила, и меня все время рвало. Одежда висела мешком на моем похудевшем теле. Пассажиры заключали между собой пари – доеду я живым до Японии или нет. В Шанхае я не мог сойти на берег. Зрение мое так

испортилось, что я не мог читать. Я хотел умереть и приготовился к смерти. Весь день я лежал на лонгшезе и смотрел остановившимся взглядом на туманный берег и острова, поднимающиеся над морем. Судовой врач следил за тем, чтобы я не свалился за борт. Но я не помышлял о самоубийстве, я только испытывал огромную усталость тела и души. Я мог оценить красоту внутреннего моря. Я мог писать плохие стихи – ужасные сонеты, посвященные Амаи, в которых все еще звучал прибой волн о заросший пальмами малайский берег вместе с сожалением об утраченной любви. Я мог, когда мы высадились в Иокогаме, ненавидеть японцев со всем предубеждением англичанина, который работал с китайцами. Но я не мог есть. Я не мог противостоять Неду Коку.

С военной точностью он уже решил мою судьбу. Он отправлялся в Англию через Канаду через десять дней. Если я хотел спасти свою несчастную шкуру, я должен был ехать с ним. В Канаде он задержится по делам на шесть недель. Эти шесть недель я должен пробыть в Скалистых горах. Я должен брать сернокислые ванны в Банфе. Лихорадка покинет меня, и я высажусь в Ливерпуле и буду возвращен моим родителям в том же состоянии здоровья и ангельской невинности, в которых я их покинул.

Мне этот план казался слишком сложным. Но Кок все устроил чрезвычайно просто. Он повел меня к токийскому врачу, который согласился с точкой зрения Кока на мое спасение. Он телеграфировал моему отцу и моему дяде по поводу необходимых средств для этого нового путешествия, и через три дня из обоих источников пришли суммы вдвое большие, чем нужно было. Он был идеальным организатором, и я не умаляю ни его достоинств, ни своей признательности. Если бы я в ту минуту был диктатором Англии, я возвел бы его в сан графа Лейстера и сделал бы председателем палаты лордов. Он вскоре нашел бы необходимые средства разбудить это сонное царство или, в случае неудачи, взвалил бы его, подобно Самсону, на свои широкие плечи и опустил бы его в Темзу.

Воздав должное моему спасителю, возвращаясь к описанию своего путешествия. Все происходило точно по плану. Пересекая Тихий океан, я дрожал и мучился лихорадкой. Но в конце концов я начал принимать пищу безболезненно. Я даже мог с интересом следить за тем, как британский адмирал (давно умерший) играл на палубе в хоккей с тем свирепым юношеским пылом, который делает нас предметом и зависти, и насмешек со стороны иностранцев. Когда мы приехали в Ванкувер, меня представили Роберту Сервайсу, и в первый раз за много месяцев на моих щеках показался румянец. Я был робким юношей, еще не потерявшим способность краснеть, а Сервайс, который тогда был на вершине своей славы, был первым английским писателем, с которым я познакомился.

Он дал мне автобиографический экземпляр своих «Песен из Суордаф» и «Баллады Чихако». Ныне, вместе с остальными моими книгами они, может быть, украшают полки большевистской библиотеки, и еще вероятней – они были сожжены рукой московского палача как империалистические излияния, вредные для московского обоняния.

В курительной отеля я слышал бредни о спекулянтах недвижимостью, которые наживали миллионы в одну ночь, причиняя разорение, следы которого чувствуются до сего дня. Также я впервые слышал имя Макса Айткина, который победил миллионера Монреаля и отправился в Англию искать новых побед. Я был тогда так искренне романтично настроен и имел достаточно здравого смысла, чтобы ставить Роберта Сервайса намного выше Макса Айткина.

Как бы то ни было, я читал книги Сервайса, выпивал с ним и вдыхал канадский воздух. Все это, вместе взятое, вылечило меня от страсти к Амаи и заставило обратить мои взоры на Запад.

Патриотизмом злоупотребляют больше, чем всеми другими чувствами. В лучшем случае, это выражение животного чувства самосохранения. В худшем – он запятнан материальными интересами и такими грязными соображениями, как деньги и карьера. В англичанине он проявляется в тупом презрении ко всему неанглийскому Патриотизм шотландца более прак-

тичен. Его презрение к иностранцам включает англичан, но строго скрывается. Это, скорее, расовая спесь, чем патриотизм. Шотландия тут почти ни при чем. Цель его – прославление и самоудовлетворение шотландца, в какую бы часть земного шара его ни привел карьеризм.

Но есть другая форма патриотизма, которую можно назвать любовью к родине. Это подлинная любовь, которая живет в каждом человеке, – к тому месту, где он родился и провел свое детство. Может быть, она вызывается тщеславием, желанием снова увидеть себя в ореоле юности. Она особенно сильна в том, кто вырос в прекрасной местности, но и уроженец Вигана чувствует ее. Всего сильнее она в жителе гор.

Банф с его великолепным фоном из сосен и елей был для меня первым дыханием возвращающейся жизни. Редко я испытывал такую тоску по родине, а здесь, в преддверии Шотландии, я чувствовал себя на полпути домой. Скалистые горы были выше Гремпионов, но они были похожи на Гремпионы. Боу Ривер заменяла Спей. Само селение носило название шотландского города, расположенного в 20 милях от места, где я провел свое отрочество. Я любил Банф. Я нанял лодку и обследовал реку (увы, я все еще был слишком слаб, чтобы удить рыбу), и я изучил холодные воды озер Луиза и Минневанка. Я разговаривал с аборигенами. Я нашел сочинения Паркмана и с жадностью прочел их. Клондайк все еще был у всех на устах. В каждом городском округе были несчастные жертвы золотой горячки. Это было романтическое время – в достаточной степени грязное, если всмотреться глубоко, но в роскоши первоклассного отеля никто этим не занимался. Автобусы еще не портили красоты дорог. Нет армии американских туристов, наполняющих воздух оглушительными возгласами восторга. Если верно, что человек создает свою атмосферу, то природа может помочь или помешать ему в том, а в Банфе природа была могущественной союзницей. Я купался в романтике крайнего Запада и чувствовал себя лучше. Мне предстояло купаться и в прямом смысле этого слова.

Мое здоровье было постоянной заботой Неда Кока. Он был в восторге от моего выздоровления и с полным основанием приписывал заслугу себе. К сожалению, он не умел вовремя остановиться. Он вечно строил новые планы и искал новые области применения своей энергии. В Банфе были знаменитые сернокислые купания – купания на открытом воздухе на высоте 1000 футов над уровнем моря. Я провел три года в нездоровом климате, почти на экваторе. Я страдал малярией в тяжелой форме, и если желание жить вернулось ко мне, то смерть еще не выпустила моего ослабевшего тела из своих цепких рук. Здравый смысл должен был предостеречь меня от купания на открытом воздухе. Но у меня было мало здравого смысла и мало воли.

А Кок был экспериментатором. Он нашел союзника в лице отельного врача – молодого энтузиаста, на которого подействовала убежденность Кока и который хотел получить свою долю славы за великое открытие, заключающееся в том, что сера – могущественное средство против малярии. Может быть, я не питал большой веры. Во всяком случае, я искупался в банфском Иордане. Я простоял в пузырьках серы столько минут, сколько потребовали Кок и его ученый поклонник. Без посторонней помощи, но со стучащими зубами я вернулся в отель; в течение 10 минут температура поднялась до 39 градусов, я лег в постель. Мои друзья наваливали на меня одеяло за одеялом. Через час температура поднялась еще на градус. Задышавшись, почти в бреду я требовал хинину. По совету Кока врач дал мне пять таблеток хинина и пять аспирина. Затем они оба ушли, чтобы не мешать мне спать. К счастью, они оставили лекарство на ночном столике. Я сделал знак Гарри Стефенсону, который оставался со мной, и Гарри дал мне еще по 15 таблеток хинина и аспирина. В продолжение четырех часов я метался в бреду между жизнью и смертью. Затем меня прошиб пот. Постель моя промокла насквозь, промокли матрасы, и я лежал, как в луже. Обессиленный, я переменял постельное белье и заснул.

Дальнейшее мое путешествие на родину прошло без инцидентов. Я пробыл неделю в Квебеке, прочел «Золотую собаку», поднимался на вершину Авраама и грезил теми первыми грезами империи, которые впоследствии сделали меня ревностным последователем политики

лорда Бивербрука. Семена, посеянные во время моего посещения Канады, принесли плоды в 1916 году, когда я первый из англичан официально отпраздновал в России имперский день.

Единственным фиаско было само возвращение. Если голубые небеса канадской осени немного восстановили мои силы, то ливерпульские туманы вызвали новый приступ малярии; вместе с болезнью пришел новый приступ малодушия, который всегда в критические моменты отравлял мою жизнь.

Я вернулся в лоно моей семьи, которая в это время отдыхала в горах.

Мать встретила меня, как матери всегда встречают своих первенцев, то есть благодаря Богу за мое спасение и грустя о том, что не оправдались ее заветные мечты. Мой отец, хотя по отношению к самому себе и был самым суровым моралистом, всегда был сам терпимым по отношению к другим. Я не услышал от него ни слова упрека. Но я все же держу сторону моей матери, происходившей из клана Грегора, и до самой ее смерти наш семейный мирок жил по заветам моей бабушки – женщины-титана, которая на своих широких плечах вынесла целую армию детей и внуков.

Она была женщиной наполеоновского склада, представительницей старой гвардии хайландцев, чьи слова были законом и чьи малейшие капризы исполнялись беспрекословно. Она управляла этим кланом с величием души, редким в наши дни, но дело ее клана было ее делом, и горе тому провинившемуся, чей проступок доходил до ее сведения не от самого провинившегося, а через других членов семьи. Она была суровой строгой пресвитерианкой и относилась к своим богослужениям с той же суровостью, с которой она управляла своей семьей. Она была нетерпима к церковной оппозиции. Однажды старейшины той конгрегации, которой она руководила, осмелились избрать в качестве пастора неугодного ей кандидата. Решение ее было сурово. Она покинула церковь, где были погребены ее предки, и в полумиле построила за свой собственный счет новую церковь и новый дом для своего кандидата. Гнев ее кончился только со смертью пастора. Тогда ее раскаяние было так же великодушно, как мелок гнев. Ее церковь была присоединена к старой церкви и превращена в открытую библиотеку и концертный зал. Дом был куплен за счет прихода, и она сама возвратила семье скамью, на которой она слушала так много проповедей. Теперь ее останки покоятся на берегу Спей, позади тех массивных гранитных скал, живым воплощением которых она была в жизни.

Она была великая женщина, но, подобно большинству пресвитериан, она преклонялась перед материальным успехом. К моменту моего возвращения она получила огромную прибыль от своих плантаций в Малайских штатах. В Эдинбурге ее окрестили королевой каучука, и эта лесть ударила ей в голову, как молодое вино. Она видела себя делающей погоду на бирже. Ее материальный успех был наградой за ее дальновидность и деловитость. Она считала обычным самый необычный ажиотаж и, не слушая предостережений своих маклеров, продолжала скупать каучуковые акции во время падения цен. В течение немногих лет ее состояние уменьшилось до размеров, несоизмеримых с расходами. Однако в этот момент звезда ее восходила. Плантадоры не славятся своими способностями, но все плантадоры нажили себе деньги на каучуковом буме. Я со всем своим образованием не сумел использовать возможностей. В ее глазах это было мерилом моей деловитости. Я был дураком.

Но это было не худшее. Вести о моих моральных прегрешениях дошли до нее еще до моего приезда. Ходили сплетни. Мой дядя обвинялся в том, что он не заботился обо мне, и если он не желал защищаться, то другие родственники в Малайских штатах взяли это на себя. Тень на лице моей бабушки при нашей встрече была тенью Амаи. Каждый день мне давали почувствовать мое нравственное падение. Меня таскали в церковь. Если проповедь не была направлена против меня, моя бабушка истолковывала ее в этом смысле. Образ женщины в красном вызывался в каждом удобном и неудобном случае. Я был слишком слаб, чтобы ловить рыбу или охотиться. Вместо этого я катался с бабушкой на автомобиле. Каждая поездка служила поводом для лекции. Каждый эпизод моего детства был средством морального воздей-

ствия. Я должен был поднимать глаза к холмам вплоть до того, что даже мои любимые Гремпианы превратились в зачумленные места и язву самобичевания. До сих пор я ненавижу правый берег Спей, потому что в тот год бабушка жила на этом берегу.

Этот октябрь месяц, проведенный в Хайланде, уничтожил все то хорошее, что дала мне Канада, и, разбитый душой и телом, я вернулся в Южную Англию, чтобы снова обратиться к помощи врачей. Я был у двух специалистов по малярии на Гарлей-стрит. Их диагнозы были неутешительны. Мое сердце было серьезно задето. Моя печень и селезенка увеличены. Мое пищеварение расстроено. Процесс выздоровления будет медленным, очень медленным. Мне нельзя возвращаться в тропики. Я не должен подниматься на горы. О спорте не может быть и речи. Даже гольф был запрещен. Мне нужно беречься, очень беречься.

Я вернулся домой к моему отцу в Беркшайр и, освобожденный от моральных воздействий бабушки, начал сейчас же поправляться. Несмотря на английскую зиму и частые приступы малярии, я прибавил в весе. Я выбросил все лекарства, ограничиваясь ежедневно рюмкой коньяка. Через три месяца я снова играл в футбол.

Глава шестая

Мое частичное выздоровление не разрешало вопроса о моем существовании. Малярия ослабила мою силу воли и вызвала болезненное состояние. Если болезненное настроение у молодого человека до некоторой степени можно признать нормальным, то недостаток силы воли представляет более серьезную опасность и нелегко поддается излечению. Я не питал никаких честолюбивых замыслов. В своих смутных планах я хотел быть писателем. В доме отца мне была отведена отдельная комната, и в ней я провел зиму, предаваясь сочинению очерков на сюжеты из жизни на Востоке и рассказов, полных мрачных картин с трагическим концом. Я завязал переписку с разными литературными посредниками. Спустя месяцев шесть мне удалось поместить в печати один рассказ и две статьи. Мой гонорар не покрывал моих почтовых издержек.

И вот в одно майское утро меня позвал отец. Это не был безапелляционный приказ. Слова его не выражали упрека. Он говорил со мной, как, надеюсь, и я буду говорить со своим сыном, когда придет его черед, скорее, внушая, чем приказывая и старательно щадя мои чувства, заботясь только о моем благополучии, хотя бы это было связано с большим самопожертвованием и расходами с его стороны. Он указывал, на что уже многие указывали раньше, что литература только добрый костыль и не может заменить пары ног, что я, по-видимому, не преуспевал в ней, а упроченное положение – ключ к счастливой жизни. В 23 года было поздно выступать соискателем на экзаменах на большинство казенных мест. Но существовала еще консульская служба. Эта область благодаря моему знанию языков сулила мне все выгоды и могла бы удовлетворить мои литературные замыслы. Разве Брет Гарт³ и Оливер Вендель Холмс⁴ не состояли на американской консульской службе?

Медленной и размеренной манерой отец описывал мне привлекательные стороны жизни, о которой он сам не имел никакого представления. Затем подобно доброй фее он извлек ящичек с сюрпризом, письмо от Джона Морлея, в котором тот сообщал, что похлопочет о зачислении меня в число кандидатов на ближайшую экзаменационную сессию. В прошлом мой дед, стойкий консерватор и один из ранних борцов за утверждение Британской империи, выступал против Морлея на выборах в Арброре, и таков уж спортивный дух английской политической

³ Фрэнсис Брет Гарт – американский прозаик и поэт, который прославился реалистическими описаниями жизни золотоискателей в Калифорнии.

⁴ Оливер Уэнделл Холмс-старший – американский врач, поэт и писатель.

жизни, что двадцать лет спустя великий человек дал себе труд позаботиться о внуке потерпевшего поражение на выборах противника.

Это новое проявление отцовской доброты сломило мое сопротивление. Без сомнения, его манера обращения с непокорным и потворствующим своим прихотям отпрыском была слишком мягкой. Если с точки зрения материальных выгод моя жизнь сложилась неудачно, то мой отец мог себя утешать тем, что в стаде из шести овец я оказался единственной паршивой и что для всех нас он остался не только мудрым советником, но другом и товарищем, от которого не было надобности скрывать даже самых постыдных тайн.

Прочитав письмо Морлея, я оглянулся в зеркало своей протекшей жизни и то, что увидел, не дало мне удовлетворения. Для своих родителей я представлял убыточное помещение капитала. До сих пор я не приносил дохода. Теперь пора было начать. К безграничному удовлетворению отца, я милостиво согласился дать членам гражданской правительственной комиссии труд проверить мои экзаменационные работы.

Но до моего вступления за ограду Берлингтон-хауса предстояло выполнить некоторые формальности. Почти сразу пришлось мне предстать на осмотр комиссии инквизиторов Министерства иностранных дел. Надев свой самый темный костюм, я отправился в Лондон, добрался до Даунинг-стрит и был отведен в длинную комнату в первом этаже здания Министерства иностранных дел, где от 40 до 50 кандидатов ждали своей очереди, каждый по-своему выражая свое волнение. Процедура была простая, но утомительная. В конце комнаты находилась широкая дверь, у которой стоял курьер Министерства иностранных дел. С интервалами в десять минут дверь открывалась, и безупречно одетый молодой человек с листком бумаги в руке шептал что-то курьеру, и тот, прочищая голос, громоподобно возвещал собравшимся овечкам имя очередной жертвы.

По мере того как подходила моя очередь, комната почти опустела и мои нервы заговорили. Я мучился, предполагая, что произошла какая-нибудь ошибка и меня забыли. Я старался подыскать какое-нибудь глупое объяснение. Только страх, что моя обувь может заскрипеть, помешал мне подойти к курьеру на цыпочках, чтобы изложить свои сомнения. И вот, когда я уже потерял всякую надежду, одетый в сюртук курьер возвысил свой голос, и под потолком отдалось: «Мистер Брюс Локкарт». С краской на лице и влажными руками я переступил порог своей судьбы и вошел во внутренность храма. Из головы все вылетело. Мои тщательно зазубренные ответы были забыты.

К счастью, инквизиционное испытание оказалось менее страшным, чем ожидалось. В узкой продольной комнате за длинным столом восседали шесть старших чиновников. На время я задержался перед ними, как премированный бычок на выставке скота под испытующими взорами шести пар глаз в очках и моноклях. Затем меня попросили занять место на другом конце стола. Снова наступила пауза, во время которой инквизиторы рылись в бумагах. Они извлекли мою биографию, которую всякий кандидат как опросный лист страховой компании должен представить до явки на экзамен. Затем с учтивостью Стэнли, обращающегося к Ливингстону председатель улыбнулся мне приветливо и сказал: «Мистер Локкарт, полагаю», и, прежде чем я опомнился, меня стали расспрашивать о моих опытах с каучуковыми плантациями. Я представляю себе, что большинство инквизиторов были лично заинтересованы в операциях с каучуком. Во всяком случае, я подвергся быстрому перекрестному допросу относительно ценности различных акций. Так как мои познания в этой области были больше, чем у моих экзаменаторов, я бойко и авторитетно стал объяснять, какие опасности и возможности сулит малайский эльдорадо. Надеюсь, что они вняли моему совету. Он был внушен с осторожностью, опирающейся на опыт моих слишком оптимистически настроенных родственников.

И вот, когда я уже совсем пришел в себя, неожиданный удар поверг меня на землю. До сих пор я разыгрывал роль учителя перед кучкой внимательных, восхищенных школьников. Теперь роли вдруг переменялись. Среди приятного и к общему удовлетворению протекавшего

разговора, словно по тихой долине подул ледяной ветер, исходивший от маленького коренастого человека с морщинистым лбом и серо-железного цвета усами:

– Вы не можете сказать, мистер Локкарт, почему вы покинули этот земной рай?

Мои колени задрожали. Неужели всеведущее Министерство иностранных дел раскрыло тайну приключения с Амаи? В моих свидетельствах этому инциденту было дано благовидное толкование. В биографии своей я об этом умолчал. Говоривший был лорд Тиррель, тогда еще просто мистер Тиррель, и я инстинктом, редко меня обманывавшим, почуял в нем возможного врага. С усилием я собрался с мыслями.

– У меня была малярия в сильнейшей форме, – ответил я и затем слабо добавил: – Но я опять играю в регби.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.